

Выгрузка данных с формированием рейтингового ранжирования осуществляется по истечении двух месяцев радиоизмерения. Формирование базы данных осуществляется по роллинговому принципу, при котором происходит ежемесячное обновление данных с учетом результатов полученных в месяце, предыдущем до выгрузки.

Таким образом, в настоящее время сформирована система национального измерения для фиксации и анализа рейтинговых показателей телевидения и радиовещания. Система медиаизмерения в настоящее время функционирует в тестовом режиме для выявления потенциальных погрешностей эмпирических данных и общих процессов адаптации технического оборудования и методологических подходов к потребностям индустрии и рекламного рынка.

УДК 18

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБЩЕНИИ МАТЕМАТИКОВ

Н. Л. Потапова, Е. В. Коршук

Белорусский Государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220004, Минск, Республика Беларусь
natalli.81@inbox.ru

Цель данной статьи заключается в представлении сравнительно-сопоставительного анализа частотности безличных конструкций в русском и английском языках с точки зрения лингвокультурологической типологии. Для того, чтобы выяснить существует ли причинно-следственная связь между частотностью бесподлежащих конструкций в русском и английском языках и коллективизмом его носителей (стремлением не представлять себя в качестве активного действующего индивидуума (это снимает ответственность за происходящее)), авторы статьи проводят сравнительно-сопоставительный анализ частотности личных местоимений в математических текстах на русском и английском языках. Экспериментально полученные данные подтверждают связь между частотностью употребления подлежащего, выраженного личным местоимением, и коллективизмом носителей культур. А именно, в коллективистских культурах личные местоимения встречаются значительно реже, чем в индивидуалистских. В частности, в математических текстах русскоязычных авторов (представителей коллективистской культуры) личное местоимение часто опускалось, либо использовались безличные конструкции.

Ключевые слова: безличные конструкции; язык; культура; математические тексты; лингвистика.

CROSS-CULTURAL DIFFERENCES IN THE PROFESSIONAL COMMUNICATION OF MATHEMATICS

N. L. Potapova, E. V. Korshuk

Belarusian State University

Independence Avenue, 4, 220004, Minsk, Republic of Belarus

natalli.81@inbox.ru

The purpose of this article is to present a comparative analysis of impersonal constructions in Russian and English from linguistic and cultural typology viewpoint. In order to find out whether there is a causal relationship between the frequency of impersonal constructions in the Russian and English languages and the collectivism of its speakers (the desire not to represent oneself as an active acting individual (this removes responsibility for what is happening)), the authors of the article conduct the comparative analysis of personal pronouns frequency in mathematical texts in Russian and English. Experimentally obtained data confirm the connection between the frequency of the use of the subject, expressed by a personal pronoun, and the collectivism of the transmitters of cultures. Namely, in collectivist cultures, personal pronouns are much less common than in individualist ones. In particular, in the mathematical texts of Russian-speaking authors (representatives of the collectivist culture), the personal pronoun was often omitted, or impersonal constructions were used.

Keywords: impersonal constructions; language; culture; mathematical texts; linguistics.

Не так давно распространённость безличных конструкций в русском языке объяснялась в рамках лишь языковой типологии, но в последние годы приобретают популярность культурологические теории, сторонники которых находят объяснение данному явлению в иррациональности менталитета русского народа, в его пассивном отношении к жизни и в фатализме. Приписывание русским пассивного отношения к жизни и фатализма связано с разным пониманием успеха на Западе и в России (индивидуальный успех vs. коллективный успех).

По мнению же российского ученого-филолога З. К. Тарланова, употребление безличных конструкций – это отражение национальной специфики русского мышления: тенденция к абсолютизации предикативного члена, и в связи с этим «перенесение акцента со слова = идеи (как у номиналистов) на вещь = идею (основная установка реалистов)» [1, с. 225]. А это говорит «о многомерности и потому открытости русской ментальности, чуждости для неё эгоцентризма, огромном запасе потенциальной терпимости к другим культурам, и вообще – о силе творческой энергии» [1, с. 225].

Сейчас все чаще противопоставляют русский языковой тип мышления англосаксонскому по признаку «"активность, деятельность,

контроль над ситуацией" и "пассивность, отсутствие контроля, неволевитивность чувства"» [2, с. 5]. В качестве одного из самых эффективных способов представления категории неопределенности как семантического признака русской языковой картины мира выступает синтаксический способ. В русском языке есть конструкции, в которых деятель устранен из позиции подлежащего: неопределенно-личная, безличная, инфинитивная, пассивная. Все эти конструкции объединяет такой общий признак, как их одинаковое назначение: они сосредотачивают внимание на действии, а не на его производителе [3].

Отличительной чертой синтаксического оформления составляющих английского и русского предложений является противопоставление *Impersonality vs Personality*, выражающееся в различных способах выражения группы подлежащего. Для русского языка характерно преобладание безличных конструкций (неопределенно-личные предложения как средство выражения объективности повествования: нейтральности и отстраненности говорящего от положения вещей). В английском языке для передачи аналогичной идеи в качестве формального подлежащего очень часто используются такие средства-заменители подлежащего как личные местоимения.

«Русский человек, старается не выделять себя, он как бы отходит на задний план, предпочитая употреблять безличные обороты или конструкции, в которых семантический субъект выражен косвенным падежом: *Мне кажется; наверное; можно считать*, а не “*Я считаю/Мы считаем*”» [4, с. 147].

Лингвист С. Г. Тер-Минасова полагает, что большое количество безличных конструкций в русском языке определено коллективизмом его носителей, а именно намерением не проявлять себя в качестве активного действующего индивидуума (это снимает ответственность за происходящее) [5].

Существует предположение, что коллективисты удаляют личность из высказываний, а индивидуалисты – нет. В качестве примера, который демонстрирует приписывание коллективистской системы ценностей носителям языков, которые опускают подлежащее (то есть удаляют индивида из высказываний), рассмотрим русский язык. В русском языке подлежащее, выраженное местоимением, обычно опускается, так как слушателю не составляет труда восстановить его по форме глагола. Согласно модели Г. Хофстеда, североамериканская и английская культуры – индивидуалистические, а русскоязычное общество относится к коллективистской культуре [6].

Следует отметить, что работ, где доказывалась бы связь между частотностью бесподлежащих конструкций и коллективизмом, не много. К примеру, Т. В. Ларина считает, что отсутствие субъектов в японских предложениях является показателем коллективизма; по её данным, в 75 % высказываний на японском отсутствует субъект [7]. Этот автор видит подтверждение ориентации на индивидуализм в большом количестве английских личных конструкций в противовес русским безличным. Э. и Й. Кашима утверждают, что, по данным проверенных ими 39 языков, коллективистские культуры более склонны к опусканию личных местоимений-подлежащих [8].

Следовательно, требуется более тщательное изучение связи между частотностью употребления подлежащего, выраженного личным местоимением, и коллективизмом культур (в частности, русскоговорящей коллективистской культурой).

Для того, чтобы выяснить существует ли причинно-следственная связь между частотностью бесподлежащих конструкций в русском и английском языках и коллективизмом его носителей (стремлением не представлять себя в качестве активного действующего индивидуума (это снимает ответственность за происходящее)), авторы статьи проводят сравнительно-сопоставительный анализ частотности личных местоимений в математических текстах на русском и английском языках. Материалом для анализа послужили математические тексты на русском и английском языках (общим объемом 3244 страницы): 2702 страницы из учебников; 242 страницы из статей; 300 страниц из сборника статей.

Там, где в русском тексте используются безличные предложения, или автор опускает местоимения, в математических текстах на английском языке чаще всего встречаются личные местоимения. Например,

“**We** obtain the following estimate for every function / Для любой функции (*личное местоимение отсутствует*) **имеем** оценку”; “**We** find / **Находим**”; “**We** deduce / **Выводим**”; “**We** state some assertions / **Приведем** необходимые утверждения”

We say that two sets are equivalent [HF; 15] – Два множества **называются** эквивалентными (Кем **называются?** – *неизвестно*, а в англоязычном тексте совершенно очевидно, что автор имеет ввиду себя, то есть авторы статьи на английском языке сами ответственны за свои слова).

В работе **будет доказана** (*кем?*) следующая теорема [БЯ; 1220] – **We** prove the following theorem.

We call the mapping between A and B one-to-one correspondence [HF; 15] – Соответствие, имеющее место между A и B **называют** взаимно

однозначным. (Нет субъекта-подлежащего в тексте на русском языке, соответственно – нет ответственного).

Ввиду леммы 5 **можно считать** [БЯ; 1227] – In view of Lemma 5, we can assume.

В результате анализа оригинальных математических статей на русском и английском языках, было выявлено следующее процентное соотношение употребления личных местоимений: 3,7% – в оригинальных англоязычных текстах; 0,5% – в русскоязычных текстах.

Как видно, в англоязычных текстах личные местоимения используются намного чаще, чем в русскоязычных текстах (3,7% (англ.) против 0,5% (рус.)), причём в математических сборниках статей разных авторов это процентное соотношение ещё показательнее (4,1% (англ.)).

Следовательно, выше приведенные данные подтверждают тот факт, что для русского языка характерно преобладание безличных конструкций с одной стороны, как средства выражения объективности повествования. С другой стороны, с точки зрения культуры, можно предположить, что это обусловлено коллективизмом его носителей, стремлением не представлять себя в качестве активного действующего индивидуума, а также как возможность русскоязычному говорящему отстраниться от ситуации либо снять с себя ответственность.

Русскоязычный академический стиль, требующий «себя не выпячивать», восходит именно к внешнему локусу, который проявляется в отказе от ответственности, о чём упоминалось выше в работах С. Г. Тер-Минасовой. Ответственность возлагается на факторы, независимые от личности, – внешние обстоятельства, случайности, везение, мистический фактор судьбы, фатальное действие наследственности и т. д.

Безличные конструкции в русском языке демонстрируют культурную традицию воспринимать мир как совокупность событий, которые не поддаются пониманию и контролю со стороны человека. Так, с помощью инфинитивных конструкций с модальными словами (*нужно, необходимо, нельзя, должно*) или без модальных слов (*не бывает, не жить, ни пройти – ни проехать*), а также с помощью рефлексивных конструкций (*не спится, не хочется, не пишется, хотелось*), в русском языке отражены события, которыми человек не может управлять. В иных случаях личное местоимение-подлежащее просто опускается, что не искажает смысл высказывания, так как слушателю не составляет труда восстановить его по форме глагола.

Экспериментально полученные данные подтверждают связь между частотностью употребления подлежащего, выраженного личным местоимением, и коллективизмом культур. А именно, в

коллективистских культурах личные местоимения встречаются значительно реже, чем в индивидуалистских. В частности, в математических текстах русскоязычных авторов (представителей коллективистской культуры) личное местоимение часто опускалось, либо использовались безличные конструкции.

Следовательно, развитие имперсонала в русском языке объясняется многими факторами, в том числе и лингвокультурными, которые представляют большой интерес в настоящее время.

Библиографические ссылки

1. Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004.
2. Зарецкий Е. В. Безличные конструкции в русском языке: культурологические и типологические аспекты (в сравнении с английским и другими индоевропейскими языками). Астрахань: Астраханский университет, 2008.
3. Захарова М. В. Безличные предложения в культурологическом аспекте // Сопоставительная филология и полилингвизм: сборник научных трудов / под ред. А. А. Аминовой, Н. А. Андромоновой. Казань: КГУ, 2003. – С. 171–176.
4. Богатикова Л. И. Основы межкультурной коммуникации: тексты лекций для студентов специальностей 1– 02 03 06 01 «Английский язык. Немецкий язык», 1– 02 03 06 02 «Английский язык. Французский язык» / Л. И. Богатикова; М-во образования РБ, Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2009.
5. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учебное пособие. М.: Слово / Slovo, 2000.
6. Wienges, S. Westlicher Individualismus versus asiatische Werte. Berlin: Wissenschaftlicher Verlag, 2003.
7. Ларина Т. В. Англичане и русские: Язык, культура, коммуникация. М.: Языки славянских культур, 2013.
8. Kashima E., Kashima Y. Culture and Language. The Case of Cultural Dimensions and Personal Pronoun Use // Journal of Cross-Cultural Psychology. 1998. Vol. 29. No 3. P. 461–486.

Источники примеров

БЯ – Базайкин Я. В. Об одном семействе 13-мерных замкнутых Римановых многообразий положительной кривизны // Сибирский математический журнал. 1996. Том 37. № 6. С. 1219–1237.

HF – Hausdorff F. Set Theory. NY.: Chelsea Publishing Company, 1957.